

A woman with a dreamcatcher mask covering her eyes, which are painted with orange and yellow. She has red and white feathered hair. Her hands are held in front of her chest, with a bright light emanating from the center. She wears red and white rings on her fingers. The background is a dark, starry space with green and blue nebulae.

Короткие истории от Yellange В
самых разных жанрах

ОТ РАССКАЗА ДО РАССВЕТА

Екатерина Смирнова

18+

Екатерина Смирнова

От рассказа до рассвета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50065084

SelfPub; 2020

Аннотация

Короткие и удивительно ёмкие рассказы обо всем на свете. Здесь и смех, и слезы, и любовь. Каждый герой истории неповторимый и запоминающийся. А еще вас не будет покидать ощущение, что автор знаком с персонажами лично. Легкие и пронизывающие, жуткие и будоражащие кровь истории с яркими сюжетами и героями, наполнены смыслом и имеют легкий подтекст. Переворачивая страницу за страницей, вы будете с нетерпением погружаться в новый рассказ, не желая расставаться с героями. От рассказа и до рассвета у вас остается странное послевкусие.. ощущение, что реальность и вымысел – это тонкие грани нашего мира.

Содержание

Нина	4
Отпуск на Луне	4
Рим	9
Знак вопроса	14
Амалия	21
Костик	24
Джинсы	28
Океан	30
Прости, я больше не вернусь!	33
Малыш	35
Лагерь	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нина

Отпуск на Луне

— Позвоню как долечу, Вик, — Нина убрала телефон в сумку.

Самолет взлетел, унося девушку в двухнедельный отпуск. За стеклом иллюминатора появились разноцветные квадратики и овалы, напоминающие по цвету ее любимое зеленое вино «Винью Верде». Нина сразу вспомнила его острый привкус с ароматом болгарского и белого перца, зеленой фасоли и лайма. Португальцы определенно знают толк в правильных сочетаниях.

Нина попросила стюардессу принести бутылочку воды. За окошком искрилось солнце, как молодое невыдержанное в бочках вино, красиво, но неприятно.

Всего через пару часов она прилетит домой. Еще ни разу за десять лет этот факт не приносил ей удовольствия. Встреча с матерью была ей неприятна и мучительна. Эта женщина напоминала ей то время, когда Нина чувствовала себя ничтожеством и нищербродкой, донашивала одежду за старшей сестрой и питалась жидким бульоном на костях.

Все, что ей пригодилось из прошлой жизни — это любовь к винам и умение приспосабливаться к абсолютно любым об-

стоятельствам.

Нина сбежала из дома, лишь только ей исполнилось шестнадцать. Познакомилась в баре с хозяином столичного ресторана и уже на следующий день, взяв с собой лишь документы и пару комплектов белья, они вместе вылетели в Москву.

Давид устроил ее к себе в ресторан официанткой, а уже через полгода Нина стала сомелье. Она разбиралась в винах, как музыканты разбирают произведение по нотам. Жизнь с Давидом не сложилась, но они остались друзьями. Недавно он женился на молоденькой студентке—переводчице, а Нина до сих пор находилась в активном поиске своей второй половины.

Этот отпуск она планировала посвятить отдыху и хорошенько развлечься. Столичная жизнь не давала как следует расслабиться.

О своем приезде она никого не предупредила. Решила устроить друзьям сюрприз, а мать поставить перед фактом.

Самолет благополучно совершил посадку, и Нина почувствовала, как сердце в груди предательски стучит. В этом городе даже воздух был другой, наполненный запахом прокисшего портвейна и горьким смогом от табака. Проклятые флешбеки тут же напомнили о себе.

Нина вызвала такси. Чертов город. Провести здесь отпуск было плохой идеей, надо было соглашаться лететь с Викой в Рим. Нина проезжала мимо стареньких стрекавшихся по

швам домов и сжималась от ненависти к этим трущобам. Ничего, покажется матери и уедет в гостиницу. Остаться в доме с крысами и клопами она была не готова.

Дверь ей открыли сразу. На пороге стояла женщина лет пятидесяти с усталыми глазами и отечными веками:

– Нина? — только и сказала она.

Девушка отодвинула ее плечом и прошла в комнату. Резкий запах чего—то тухлого ударил в нос. Нина зажала его рукой и только потом увидела на кровати лежащую мать. Или кого—то отдаленно ее напоминающую.

– Доча, — прошептали с кровати, — ты...

– Не надо, мам, — Нина отвернулась к двери, где стояла чужая женщина, — что с ней?

– Рак, неделю назад выписали после операции. Насовсем.

Нина снова посмотрела на лежащую на кровати женщину. Почему же она не испытывает к ней никаких чувств? Девушка достала из кошелька деньги. Много. Все что хотела потратить в отпуске.

Оставила их на грязном столике у кровати.

– Здесь должно хватить на все, — тихо сказала она и вышла из квартиры.

– Нинка! Вот это сюрприз! — Анжела соскочила со стула и кинулась на шею подруге, расцеловала, — давно прилетела?

– Утром! — прокричала ей в ответ Нина. Музыка в баре

заглушала все вокруг, — пошли отсюда?

Анжела взяла сумочку и девушки вышли на улицу.

— Как я рада тебя видеть, малыш! Завтра у Новиных свадьба, кстати, тебе непременно нужно пойти, там все наши будут. Покажешь им как выглядят столичные сомелье, а не местные дегустаторы.

— Здесь звезды всегда такие яркие. И близкие. В Москве небо совсем другое.

— Ага, смог там у вас, заводы. Нин, как на личном у тебя?

— Одна. Может к Набережной пойдём? Хочется к воде.

Анжела кивнула, и они направились в сторону реки. Нина достала из сумки открытую бутылку «Лефкадии Резерв»:

— Лучшее что нашла здесь. Отвратительный вкус, никакой сложности букета, — отпив из горлышка несколько глотков она протянула ее Анжеле, — попробуй. Столичный сомелье рекомендует.

Анжела попробовала вино и вернула подруге бутылку:

— Ничего так, вкусное. Вот серьезно, Нин, ты просто пьешь вино и тебе за это платят?

— Ты, когда попробовала — что почувствовала?

— Ну вино как вино. Сладкое какое—то.

Нина улыбнулась и села на бетонную плиту возле берега:

— У него медовая текстура. Подходит к лобстерам и креветкам. Я не пойду к Новиным на свадьбу завтра. У меня утром обратный самолет. В Рим полечу.

— Ну ты даешь, на день всего прилетела! А что я всем ска-

жу?

– Так и скажи: Нинка на звезды приезжала посмотреть да за бульон на костях расплатиться.

– Какой бульон? — не поняла Анжела.

Нина будто не услышала ее вопрос:

– Смотри, какая луна сегодня огромная. Так красиво в реке отражается рябью.

Она скинула с себя туфли и подошла к реке. Вода еще не успела остыть и теплой волной накрыла ее ступни. В правой руке Нина держала «Лефкадию Резерв», а левой махала подружке:

– Смотри, смотри — я на Луне!

Рим

Утром, после ночной прогулки по «Луне», Нина приземлилась в Риме.

Аэропорт Фьюмичино встретил ее, как встречают друг друга возлюбленные после долгой разлуки: жаркими солнечными объятиями и сладостным поцелуем ветра.

В Рим она прилетела во второй раз. Он манил ее пьянящим воздухом свободы и сытой жизнью, красивыми улочками и роскошью витрин. Нина чувствовала себя здесь хозяйкой своей судьбы, девочкой, которая имеет право на счастье.

Вика встретила ее около отеля. Огромная шляпа и красные, наполовину лица очки говорили Нине о том, что отпуск подруга проводит с блеском. Девушки поднялись в номер и открыли шампанское:

– За лето, плавки, рок-н-ролл!

– Урааа! — крикнула Нина и в несколько глотков выпила содержимое бокала, — ну, кто он, рассказывай!

– От тебя ничего не скроешь, — Вика рассмеялась, словно нашкодивший ребенок, на ее лице тут же ожила россыпь мелких веснушек, — бизнесмен, москвич, холост.

– *Fortuna sorride a te babe**! — рассмеялась в ответ Нина и подмигнула подруге, — надеюсь он с другом здесь?

– Вечером я тебя с ними познакомлю! — Вика налила в бокал еще шампанского и увлекла подругу рассказом о сво-

ем новом приятеле.

Когда на римских улочках зажглись фонари, девушки спустились в бар. За одним из столиков их ожидали двое мужчин. Вика подтолкнула Нину вперед и представила своим новым знакомым:

– Знакомьтесь — Нина, а это — Владимир и Егор, — подруга села рядом с Владимиром, и Нина поняла, что ей предстоит общаться с Егором. Она сразу же оценила его красивые глаза, цвета недозрелой груши, ровный изгиб чуть полноватых губ и загорелое тело, которое манило ее своей безумной энергетикой. К тому же, у него на пальце не было кольца. Существенное преимущество.

Егор очаровал Нину своим обаянием. Она растворилась в его глазах и объятиях. Весь вечер они провели вдвоем на Пьяцца Навона, у фонтана четырех рек. Пили вино и рассказывали друг другу веселые истории. Егор кружил Нину на руках и называл «моя девочка». Нина закрывала глаза и громко смеялась. Счастье переполняло ее, как переполняет бокал только что открытое шампанское.

Вика с Владимиром быстро пропали из поля их интересов: им достаточно было общества друг друга.

Расставались они под утро, Егор слегка коснулся ее щеки и прошептал:

– Это самая лучшая ночь в моей жизни.

Нина погладила его волосы и шепнула в ответ:

– И моя.

Всю следующую неделю Нина и Егор провели вместе. Катались на машине по ближайшим окрестностям Рима, купались в Тирренском море голышом и даже пообещали другу другу никогда не расставаться.

– Хочу от тебя детей, — сказал он ей однажды утром, — ты такая искренняя, настоящая. Мне с тобой спокойно и хорошо.

– Я могу, — засмеялась Нина и притянула его к себе. Маленькая девочка внутри нее кружилась в безумном счастливом танце — она больше не одинока. Она нужна ему! И так будет всегда!

Егор будет замечательным отцом. Она даже не сомневалась в этом.

– Вик, я не верю своему счастью, — Нина стояла перед подругой в новом купальнике от ARMANI, — он все для меня делает! Смотри какую красоту подарил!

Вика оглядела Нину с ног до головы:

– Обалденно! Предлагаю сегодня устроить ему сюрприз! Я незаметно возьму ключи у Вовчика. Мы с ним пойдем в ресторан, а ты тайно проникнешь к ним в номер и . . ., — Вика засмеялась, — да что я тебе советую, ты сама прекрасно знаешь, что делать!

Нина осторожно открыла дверь в номер, предвкушая, как

Егор обрадуется ее сюрпризу. Девушка разлила по бокалам цитрусовый Пино Гриджо, красиво расставила тарелки с морепродуктами на столике. Затем включила прикроватный ночник, разделась до маленьких трусиков и легла на кровать Егора. Незаметно для себя она тут же уснула.

— Я в последний раз спрашиваю — кто это?! Почему она лежит на твоей кровати голая? — Нина слышала сквозь сон истеричный женский крик. Но сон был такой сладкий, что она мысленно материла нарушительницу ее покоя. Вдруг кто—то сильно схватил ее за волосы.

Нина подпрыгнула на кровати и в ужасе замерла: вокруг нее стояли Вика, Владимир, Егор и какая—то женщина с огромным животом. Явно глубоко беременная. Именно она и была источником крика.

— Володь, ну договаривались же, что ты сюда никого водить не будешь! Тамара все не так поняла, — Егор глядел на друга жалким щенком, затем повернулся к истеричке с большим животом — клянусь, любимая, я не знаю кто эта женщина!

Он показал пальцем в сторону Нины.

Тут же что—то тяжелое оборвалось внутри нее, сдавило грудь, стало трудно дышать. Слезы одна крупнее другой выкатились из глаз. Лица присутствующих слились в одно пестрое пятно. Нина встала с кровати, чуть пошатываясь, смахнула со столика всю сервировку и молча вышла из номера.

– Пстой! — доносился, как из глубокого колодца, голос Вики. Сил оборачиваться не было. Нина, как была топлесс, так и вышла на улицу, села на лавку.

Безмолвная луна смотрела на нее сверху с укором.

– Знаю, — тихо сказала ей Нина, — на Луне не бывает никаких отпусков... Никаких.

Знак вопроса

— Прикрути себе маленькие колеса.

– И?

– Будет легче все вывозить. И не ставить в конце знак вопроса, и на отдых сможешь катить.

– Ты давно в рифму говоришь?

– Извини, не заметил. Я серьезно. Завязывай с кофе. В Макдаке он дерьмовый.

– Знаю.

Помолчали. «Все я знаю. И кофе отстой, и музыка твоя отстой», — Нина выключила радио в машине.

Еще полчаса в его присутствии, и она сойдет с ума. Нрауочения – это не лучшая терапия.

– Прикинь, ты, когда прилетела, Маринку по скорой сразу увезли. Сердце.

Нина кивнула. Сестра стала очень впечатлительной в последнее время. В последние тридцать лет точно. Нина вспомнила как они пятилетние прятались за старым диваном от пьяного отца. Маринка прижимала к груди огромный топор, а Нина слышала стук ее сердца. Отец кричал, что они предательницы и получают свое, когда он их найдет. Сестра не издавала ни звука, а Нина боялась, что он тоже услышит такой громкий стук их сердец. Но им повезло. Тогда на себя приняла удар мать...

— Мы думали ты с парнем своим приедешь. Чего одна?

— Не твое дело, — Нина отвернулась к окну. Из правого глаза по щеке тоненькой струйкой скатились слезы. Очень удобно плакать одним глазом. Особенно, когда он не видим для собеседника.

— Угу, — Олег закатил глаза, — ты имей ввиду что в квартире ничего нет твоего. Маринка все расходы на себя брала. Мать не вставала совсем.

Нина молчала. Гребаные формальности. Они бояться, что она будет претендовать на квартиру матери. Муж ее сестры выглядел жалким стервятником.

— Остановись.

— Ты чего? Обиделась что ли? — машина остановилась, — я ж так просто, мысли вслух.

Нина вышла из машины. Он не возражал. Серые вороны громко поприветствовали ее. Зачем она здесь? Зачем она снова вернулась в этот город?

Олег ждал. Не бросит же он ее в лесу. Нина закурила. Почему—то вспомнила, как в детстве она клялась сама себе, что никогда не будет курить. А еще вспомнила, как вот так вот как сейчас выходила на улицу, смотрела в небо. Она тогда верила, что там сверху на нее смотрит Бог. Маленькие ручки складывались ладошками друг к другу, и Нина мысленно просила его помочь им с сестренкой. Просила за мать, за отца. Взамен обещала быть хорошей и послушной девочкой. Обещала учиться на пятерки и никогда не курить. По-

чему—то тогда это казалось самым страшным грехом.

Нина выкинула сигарету в траву и вернулась в машину. Олег снова включил радио.

– Не жалеешь ты себя, Нинка.

– Заверни в Макдак, я возьму кофе.

– Два чизбургера и капучино, — Нина прищурила глаза и смотрела на табло с ценами. Пора покупать новые очки, зрение становилось только хуже.

– Оплата картой или наличными? — в ее мысли ворвался голос продавца, словно теплый Эгг Ног с элем, заполнил внутри все трещинки и согрел. Нина на несколько секунд забыла, что она находится в придорожном кафе. Перед ней стоял голливудский киноактер, не меньше, только что сошедший с красной дорожки. Его синие глаза вопросительно смотрели на нее, и Эгг Ног снова растекся по всему телу:

– У вас карта или наличные?

Нина тут же спохватилась, что неприлично долго рассматривает его губы, и заикаясь кивнула:

– К—карта.

Расплатившись, она вышла на улицу и села за столик. Сердце тревожно билось в груди, пропуская через себя снова и снова его голос. Разве бывает так? Почему она так отреагировала на него? Растерялась, расплавилась... Он всего лишь какой—то мальчишка. Нужно собраться!

Нина с трудом запретила себе думать о красавчике—про-

давце, допила безвкусный кофе и отправилась на остановку. После отпуска в Риме ей совершенно не хотелось впускать в свое сердце никаких синеглазых мачо с рождественским голосом—элексиром.

Квартира встретила ее тишиной и покоем. Нина бросила на пол сумку, стянула платье и в одном белье прошла на кухню. Сначала нужно приготовить мюсли и налить кофе с ромом. Душ она оставила на потом, слишком устала.

Неожиданно завибрировал мобильный — пришло уведомление в фейсбук. Хм, новый запрос в друзья. Марк Долинский. На фото — облака. Нина смотрела на экран мобильного и уже хотела заблокировать запрос, как получила сообщение: «Привет, Нина, вы забыли в кафе очки. Хотел вам их вернуть».

Нина села на пол и отчего—то улыбалась во весь рот, как пятилетняя девочка. Ну, конечно! Это он! Это синеглазый бариста! Но... как он нашел ее?

Нина подползла к сумке и вытряхнула содержимое на пол. Очков действительно не было. Она купила их в Риме. На самом деле, она и не расстроилась бы, если бы и потеряла эту покупку. Может это было бы и к лучшему. Вспоминать лишний раз о том отпуске ей не хотелось.

Нина потянулась к мобильному и написала Марку: «Спасибо. А как ты меня нашел? Можем встретиться завтра в 12 на Новокузнецкой».

Ответ пришел быстро: «Отлично! Увидимся завтра в 12». И больше ничего.

Нина сидела на полу и никак не могла оторваться от фото с облаками: разве так бывает? Но все—таки — как он ее нашел?

Следующим утром Нина на всякий случай предупредила подругу Вику, что едет на встречу с неким Марком Долинским за очками. Сказала место и время. Мало ли, вдруг он маньяк.

Она вышла из дома с ощущением, что едет на свидание, а не за очками. Нина надела свой лучший костюм, заплела волосы, и волновалась как школьница перед экзаменом. «Я просто заберу очки и поеду домой. Мне нужно всего лишь забрать очки», — успокаивала себя она и оттого волновалась еще больше. Ее тревожила сама мысль, что судьба снова играет с ней по неведомым правилам. Нина как марионетка вынуждена подчиниться ее задумке. И в глубине души она была искренне этому рада.

Нина вышла из метро и растерянно смотрела по сторонам. А вдруг она ошиблась? Вдруг ей написал кто—то другой, а не тот синеглазый бариста? За фото с облаками мог скрываться кто угодно.

– Привет! — услышала она знакомый голос, и Эгг Ног снова опьянил ее. Нина не решалась повернуться и посмотреть ему в глаза. Колени предательски задрожали, и она ни-

как не могла понять отчего так перед ним волнуется.

– Привет, — Нина повернулась к нему и тут же утонула в бескрайнем синем море, — спасибо, что вернул очки.

– Если бы не они, мне пришлось бы придумывать другую причину, чтобы встретиться с тобой, — сказал Марк совершенно серьезно.

Нина удивленно смотрела на него.

– Со мной впервые такое. Не подумай, я не маньяк, — он улыбнулся, — просто с тех пор как я увидел тебя, я не мог думать ни о чем. А потом вечером увидел очки на столике. Твои очки. Я даже не думал о том, возвращать их или нет. Я понял тогда, что это знак.

Они не сговариваясь пошли по Пятницкой улице к набережной. Нина слушала его и боялась остановить.

– Но... как ты нашел меня?

Марк посмотрел на Нину и засмеялся:

– Может оставим это в секрете?

– Нет, я хочу знать! — Нина серьезно смотрела на него и не понимала почему же ей так важно это знать. Ей вполне достаточно было просто смотреть на него, идти рядом и наслаждаться беседой. Может и ни к чему эти детали?

Марк вздохнул и сказал:

– Все банально. У тебя очень редкая фамилия, а я с 7 лет умею читать.

– Чек? — Нина засмеялась. Ну, конечно! Как она не догадалась раньше? Она же расплачивалась картой, и ее фами-

лия и имя вывелись на печать.

Марк достал из кармана чек и протянул Нине:

– Я рад, что у тебя не оказалось наличных. Тогда искать тебя пришлось бы намного дольше!

Амалия

Розовое блюдце с нежными лепестками роз летит в стену. По гостиной тут же разносится звук разлетающихся во все стороны осколков. Они шумно падают на паркет и, кажется, заполняют собой все пространство на полу.

В руках Амалия держит второе блюдце и готовится отправить его в полет по той же траектории. Воздуха не хватает, кажется все здесь пропитано алкоголем и грязным бельем. Только розовое блюдце ярким пятном выделяется среди серости и пыли. Щеки Амалии покраснелись и раздулись от тяжелых вздохов.

Неожиданно она кладет блюдце на пол и садится рядом на рассыпавшиеся розовые осколки. Белоснежные ноги касаются их острых краев, но она не замечает этого.

– Ненавижу! Ненавижу! — кричит Амалия и закрывает лицо руками. Слезы смешались с тушью и черными пятнами размазались по коже.

Плач плавно переходит в стон и голос Амалии становится похожим на утробный. Все вокруг расплывается. Коньяк действует на нее мгновенно. Она больше не в силах подняться на ноги.

– Ты...ты... — Амалия захлебывается слюной и слезами, слова застревают в горле комком. Ползет к двери. Она еще помнит, как эта самая дверь разделила ее мир на до и после.

Если бы у нее в этот момент был в руках топор или бензопила — дверь разлетелась бы точно так же как несколько минут назад разлетелось блюдо.

Он ушел через эту дверь. Он переступил порог, как переступают через мусор на дороге, даже не обернулся. Ушел к ней. Каждый раз как в последний. Каждый раз как чертов последний раз!

Амалия опирается на стену руками и поднимается вверх. С трудом проходит в ванную и долго рассматривает свое лицо в зеркале. Она никогда не станет такой как та. Ее лицо не создано для быта или забот. Он говорит, что ее лицо создано для любви. Амалия проводит пальцем по губам, как проводил по ним он. Что он чувствовал в эти секунды? Знал ли он какая тонкая и чувствительная кожа на них? Как она вся покрывается мурашками от его прикосновений?

Амалия стягивает резинку с волос, и они рассыпаются по ее плечам. «Золотой шелк», вдруг вспомнила она его слова. Ладонью приладила пряди, и снова взглянула на себя в зеркало. Ей всего тридцать три. Всего.

Каждый раз после встречи с ним она становится старше на несколько лет. Из зеркала на нее смотрит старуха. Уставшая и с морщинами.

Амалия отворачивается и медленно идет в гостиную. На столике она видит его банковскую карту. Забыл?

В дверь кто—то настойчиво звонит. Амалия оживает и бежит в ванную. Холодная вода обжигает кожу. Она трет ей

лицо и руки. Сейчас, сейчас она откроет эту чертову дверь.

Голова продолжает гудеть, но Амалия уже видит в зеркале лицо, созданное для любви.

— Представляешь, заехал на заправку и понял, что карту забыл у тебя. Пришлось вернуться. Но я думаю ты не против приютить меня еще на пару часиков, малыш? — он осторожно просовывает свою руку к ней на талию и притягивает к себе. Тело Амалии расслабляется, и она пломбиром тает в его объятиях. Губы касаются его шеи, и она чувствует его парфюм. Он здесь. Снова с ней. Сейчас он полностью принадлежит ей.

— Люблю тебя, — шепчет она, — люблю.

Костик

Костик поднялся со скамьи и взял Анюту за руку. Его ладонь была слегка влажной и неприятно касалась ее кожи. Она улыбнулась ему, и прогнала прочь это неловкое чувство. Ладонь – это ладонь. Главное, что он любит ее. Он приехал к ней и готов носить ее на руках. Анюте нравился его голос, его бесконечные истории обо всем на свете. Она любила его смех и поцелуи. Она доверяла ему свои тайны и даже то, в чем никогда не признавалась подругам.

Костик знал даже то почему она рассталась с мужем, почему не любит черный цвет и на что у нее аллергия. Аня держала его за руку и верила — он другой. Он внимательный и заботливый. Он ценит ее.

Они прошли вдоль аллеи и вышли на перекресток.

– Может перекусим? — спросила она и показала в сторону кафе.

– Я не голоден, — ответил Костик и поцеловал ее в макушку, — а тебе вообще худеть нужно, не обижайся. Пару килограмм точно скинуть не помешает. А в этой забегаловке ничего полезного нет. Давай еще погуляем по парку.

Аня почему—то засмеялась, но дальше настаивать не стала. Да, он прав. Она поправилась за зиму и у нее слегка выпирал живот. Костик заботится о ней.

После прогулки они разъехались по домам. Анюта еще не

была готова пригласить его жить в свою квартиру. Костик тоже не торопил события. Они наслаждались друг другом без всяких обязательств.

— Знаешь, тебе нужно как—то оживить цвет волос. Может даже стоит подстричься. Они у тебя какие—то никакие.

— Думаешь? — Анюта растеряно смотрела на него, а он поправлял выбившуюся прядь за ее ухо.

Вечером в зеркало на нее смотрела рыжеволосая красавица. Для кардинальной смены имиджа Аня отстригла и челку. Меняться так меняться.

— Ничего, — окинул ее взглядом Костик, — с этим цветом тебе лучше.

Затем был долгий поцелуй, и его влажная ладонь касалась ее кожи.

— Нам нужно поехать на море, — как—то предложил он ей, — сейчас как раз скидки, успеешь купить билеты недорогое.

— Посмотрим, — неуверенно ответила Анюта, — на работе отчетность, вряд ли отпустят.

Ей было неловко говорить о том, что у нее совсем нет денег на билет.

— У тебя какие—то тупейшие отмазки всегда, — Костик недовольно отвернулся, — ладно. Не сможешь, значит, в другой раз. Я готов подождать.

Аня улыбнулась, но его слова, словно острый нож оставили след на коже.

Костик вернулся через две недели. Загорелый и отдохнувший. Рассказывал, как там здорово и нужно переезжать к морю. Там жизнь. А здесь что? Уныло, серо, однообразно.

Анюта слушала его и кивала, да, он, конечно же, прав. Жить у моря гораздо полезнее для здоровья.

Она смотрела на яркие фото и представляла, как они вместе будут гулять по этим улицам, купаться в теплой воде и встречать рассветы. Ей повезло с Костиком, он очень заботливый.

— Костик, я скинула пять килограмм! Посмотри! — Анюта закружилась перед ним, демонстрируя стройные ноги и плоский живот.

— Ничего, но нужно еще парочку и пресс покачать, — Костик посмотрел на нее и отвернулся, — мне пора. Давай завтра созвонимся?

Он чмокнул ее в щечку и вышел за дверь.

Следующие несколько дней они не созванивались. Только короткие текстовые сообщения. «Доброе утро» и «Спокойной ночи». Какие—то шутки и смешные картинки, от которых Анюте хотелось реветь.

Что она сделала не так? Почему он не звонит?

Анюта включила компьютер и вошла в свой аккаунт в инстаграм. Что—то дернуло ее зайти в профиль, где работал Костик. На первой же фотографии он стоит рядом с ярко—рыжей длинноногой девицей. Аня дрожа перешла к ней в аккаунт. Море. Фото, которые она уже видела. И смешные картинки. И шутки. И даже его песни. Она ездила с ним на море?

Аня пролистывала фото и не верила своим глазам. Она все это уже видела. Ей отправлял эти фото Костик.

Аня закрыла ноутбук и вышла на улицу. Ветер чуть не сбил ее с ног, но она даже не заметила этого. Ей срочно нужно было в парикмахерскую.

Спустя полгода Анюта лежала на пляже и наслаждалась закатом. Волосы темными прядями рассыпались по плечам. Челка почти сравнялась с подбородком.

Рядом остановился мужчина и спросил дорогу к отелю.

— Через двести метров будет поворот направо, — махнула рукой Анюта.

— Спасибо. Кстати, у вас невероятно красивые волосы! — улыбнулся он и отправился в сторону отеля.

Джинсы

Анюта крутится около зеркала: мамина тушь, помада — все отлично сочетается с новыми джинсами.

Она садится на велик и мчит к «бревну» — к месту их посиделок и встреч. Вечер сегодня по—особенному хорош: комаров мало, тепло и можно сидеть до полуночи.

Около бревна уже все в сборе. Мальчишки раздают карты, а девчонки кутаются в легкие кофты и перешептываются между собой.

— Поздно ты сегодня, — Саня встает с бревна и уступает ей место, — мы думали ты не приедешь.

— Огород поливала, — машет рукой в сторону дома Аня и опускает глаза вниз. Левая половина брюк получилась гораздо шире правой. Черт! Весь вечер она потратила на то, чтобы перешить джинсы старшей сестры под себя, а в итоге получился брак. Аня краснеет и садится на бревно. Ей кажется, что все только и делают, что смотрят на ее штаны. Других у нее нет и не было никогда. Бабушка заставляла носить юбки, а ей так хотелось джинсы. Когда сестра случайно забыла их — Анька решилась на преступление. Перешить и носить. Она хотела, чтобы эти джинсы сделали ее счастливой, а получилось наоборот. Все только и делали, что с усмешкой смотрели на них.

Мальчишки раздали всем карты. Саня сказал:

– Проигравший едет со мной за хлебом!

Карты не шли, и Анята проиграла. Под всеобщее улюлюканье, она села к Сане на велик, и они поехали к магазину. Вдоль аллеи светили фонари, и вокруг не было ни души. Ближайший магазин оказался уже закрыт. Нужно ехать к дальнему.

Неожиданно прогремел гром. Сверкнула молния. Саня прибавил скорость, Анька прижалась к нему плотнее. Ливанул дождь. Анятины джинсы запутались в цепи. Саня оторвал от них кусок:

– Хорошо хоть цепь не порвалась.

Бросив велик на крыльце, они заскочили в магазин. Хлеба нет. Закончился. Ребята остановились у выхода. Льет как из ведра. Не видно ни велика, ни фонарей. Аняту трясло от холода.

– Иди сюда, — Саня прижал ее к себе и укутал в свой свитер, — а я знал, что ты проиграешь.

Анята ничего не ответила, только смотрела на его ладони.

Саня повернул ее лицо к себе и осторожно поцеловал:

– Будешь моей девушкой?

Анята наконец—то посмотрела на него и тихо прошептала:

– Да.

На рванные джинсы продолжал лить дождь. Только теперь она уже не обращала на него никакого внимания.

Океан

— Прощу тебя, не молчи... Океан, слышишь? Я уезжаю!
Навсегда!

Слезы лились из глаз девушки, и падали на холодный песок, но Океан лишь молчаливо бил волнами о берег, унося их с собой.

Когда Молли было пять, она увидела в журнале красочное фото:

– Мама, смотри какое море!

– Молли, это не море, это — Океан, он намного больше.

Девочка восторженно охнула и продолжила с любопытством изучать картинку. Огромная неподвижная волна, застывшая в объективе фотографа, навсегда осталась в ее памяти и сердце.

Молли росла и мечтала однажды увидеть Океан, мощный и величественный. Судьба, казалось, шла ей на встречу. В университете ей предложили участвовать в программе по обмену студентами из других стран. Она тут же согласилась. Первые месяцы, она парила от счастья, каждое утро просыпалась и шла к нему, к своему Океану, чистому и бескрайнему как ее душа.

В то утро, к Океану она пришла не одна. Его она заметила

сразу. Он тоже ее увидел. Океан сблизил их и подарил надежду на счастливое будущее. Ежедневные встречи на берегу постепенно переросли из дружбы в любовь. Она скучала по нему и ждала, называла «мой Океан». И он действительно был ее. В те часы, что они проводили вместе, были наполнены счастьем и нежностью. Молли любила приходиться к Океану и слушать его. Впитывала в себя каждое слово. Они строили планы, мечтали о детях и доме, он сжимал ее в объятиях и называл своей. Ее Океан стал для нее всем.

Спустя восемь месяцев, учеба закончилась, нужно было возвращаться домой.

Молли позвонила ему утром, наверное, он еще спал и не взял трубку.

Она металась вдоль берега в день отъезда и не могла поверить, что уедет, не простившись с любимым. Лишь молчаливые волны Океана понимали ее, и не хотели отпускать. Молли не помнила сколько раз нажимала кнопку вызова в телефоне... Но в ответ слышала длинные гудки.

– Я могла бы остаться здесь, Океан...

Молли развернулась и, не глядя на большую воду, побежала в город. Ее ждал самолет.

Пробираясь сквозь толпу пассажиров, девушка обратила внимание на знакомый пиджак. Океан. Он сидел за столиком в аэропорту и говорил по телефону. Первой мыслью было броситься к нему, обнять. Наверное, он ждет ее здесь! Мол-

ли шагнула вперед, но тут же остановилась. К столику подошла женщина с мальчиком. Океан обнял ее и поцеловал в... губы, потрепал мальчика по щеке и прижал к себе.

Слезы волнами захлестнули ее. Океан ее отпустил. Домой.

Молли пристегнула ремень, самолет поднялся высоко—высоко. Взору открылось безграничное небо, розовое, мягкое.

— Вы любите небо? — спросил ее сидящий рядом мужчина.

— Да, сегодня я полюбила небо, — ответила она и улыбнулась, — а вы?

Прости, я больше не вернусь!

Знаешь, а я больше не смогу написать тебе «привет». Мне кажется это слово говорят только близким людям. Или тем, кто дорог. Или тем, кто что-то значит в жизни. Тебе не скажу. Не смогу.

Нет, ты не в черном списке, не заблокирован. Ты же знаешь, я всегда отвечу, если ты напишешь. Даже, если поменяешь номер — я все равно узнаю тебя и отвечу. Наверное, потому что чувствую тебя. Нет, вру... Чувствовала. Где-то под лопатками. Спиной. Там, где должны быть крылья.

Знаешь, я почти забыла тот декабрьский день. Совсем не помню, как падал мягкий снег на мои ресницы, я не помню, как потеряла шапку в метро, не помню, как мы спускались по эскалатору, глядя друг другу в глаза и обсуждали дурацкие кармашки на сшитых мной брюках... Почти забыла ее. Такую нелепую рядом с тобой. Я звала тебя. Ждала тебя, а не вас.

Хотя, наверное, все началось намного раньше. Может быть с той самой чужой джинсовой курточки с цветочками в прихожей, или с тех, так нужных мне, не отвеченных звонков. А может быть все принес тот самый проливной дождь в парке. Промочил меня, прогоняя прочь, а я не поняла. Все гнала и гнала велосипед по дорожкам, рассекая пространство на до и после...

У кого-то в архиве наверняка есть мой снимок. В тот день меня многие фотографировали, ловили момент, щелкали затворами, не зная, что по моему лицу бьет вовсе не дождь, а слезы. Удобно прятать их в такую погоду. Люди улыбались, наводили на меня свои объективы: мокрая до нитки девчонка, рассекая лужи, стремится вперед, смеется и лишь прибавляет скорость — такая смелая!

Откуда им было знать, что уже спустя час эта девчонка будет ехать одна в промерзшем троллейбусе, дрожа от холода и рыдая в голос? Почему они должны были думать об этом? Они жили в моменте. Они наслаждались. Равно как и я. Я жила тогда. Пусть непутевую и такую странную жизнь, но именно тогда я впервые думала, что за моей спиной начинают расти крылья, а держать руки для полета может не только руль велосипеда, но и человек.

Прости, я больше не приду. Нельзя, оставлять звонки не отвеченными, а девчонок одних под проливным дождем. Нельзя говорить о дурацких кармашках, когда отпускаешь человека навсегда.

Мои руки уже давно научились расправлять за спиной крылья самостоятельно — я люблю свободный полёт. Спасибо, что научил меня это ценить.

Ты пиши — я всегда прочту.

P.s. Я знаю, что такое письмо без ответа.

Мальш

— Мальш, знаешь, я никогда не видела никого красивее тебя.

— Разве я, красив? — смущенно отвернул мордашку Тиккри.

— Очень! — Англе легонько провела лапкой по его щеке, — ты будто светишься изнутри. Я стою рядом и чувствую тепло. Мне от этого так хорошо. Хочется улыбаться. Красоту всегда видишь сердцем, малыш.

Тиккри растерянно посмотрел на кошку:

— Я не специально. Извини.

Англе громко и от души рассмеялась. Ее очень забавлял этот славный медвежонок, не известно откуда появившийся в ее жизни несколько месяцев назад.

Однажды, она проснулась, а рядом с ней на лужайке, свернувшись калачиком, весь в репье и крошках тихо посапывал он.

Кошка, привыкшая жить сама по себе, сначала шипела и фыркала на нелепого пришельца. Медвежонок ходил за ней по пятам. Англе останавливалась, чтобы почистить шерстку — мишка садился рядом и тоже начинал приглаживать мех. Кошка выгибала спину — юный последователь тут же повторял прогиб и падал на землю, чем смешил строгую Англе.

В конце концов, она сдалась и приняла его в свою жизнь.

Мишка не помнил кто он и откуда, где его родители и куда он идет. Знал только свое имя — Тиккри. Анжле больше нравилось называть его Малышом. И гладить по щеке. Как сына.

Всю весну и лето прожили они на лужайке в лесу, охотились, смотрели на звезды и пели только им понятные песни. Без слов и музыки, но такие дивные, что убаюкивали сами себя.

Тиккри очень нравилось рассказывать ей о своих снах. А видел он каждую ночь большую воду, нырял в нее и ловил рыбу. Вокруг были величественные ледники, и все было белое. На краю одной из таких льдин стояла, так похожая на него, медведица. Она долго смотрела ему в глаза, потом разворачивалась и ...исчезала. Тиккри очень хотелось ее догнать, но всегда просыпался в этот момент. Это делало его самым несчастным мишкой на свете.

Анжле слушала его с любопытством и молча, кивала головой, как бы соглашаясь с рассказчиком.

Медвежонок говорил, что придёт время, и он отправиться на поиски медведицы. В эти моменты что—то больше вселялось в его сердце и наполняло все внутри ярким светом, похожим на огненный шар.

Оно росло и росло, пока однажды не стало таким огромным, что Тиккри больше не мог находиться на лужайке.

В этот день они мало говорили. Анжле все было понятно и без слов. Пора в путь. Тиккри вырос и нужно его отпустить. Она снова погладила лапкой его по щеке и повторила:

— Малыш, я навсегда запомню твою красоту, — невидимые слезинки выкатились из ее глаз, — тебя заждались, Тиккри. Уходи.

Медвежонок кивнул ей на прощание и побежал вперед.

Над головой Тиккри мелькали звезды. Далекое и немое, как песня кошки и медведя, как сны, похожие на бескрайнее небо.

Тиккри знал, что там, на льдине, непременно встретит медведицу из своего сна. Она обязательно его дождется. Кошка никогда не обманывала.

Лагерь

— А почему по пять человек в группе? — спросил Илья, скорее от скуки, чем из интереса.

— Психологи говорят, что так проще сдружиться. Наш мозг легко запоминает пять или семь единиц информации.

— Гриш, не занудствуй, — Варя поднялась с коряги и помешала палкой угли в костре, — Давайте тарелки, картошка испеклась.

Трое мужчин протянули пустые железные чашки. Варя быстрыми движениями надила в них по несколько картофелин, затем сняла с небольшой импровизированной плитки чайник и разлила кипяток по кружкам. Заварка кончилась два дня назад, поэтому пили просто воду.

На острове они уже три недели, продукты почти все съедены. На природе, где чистый воздух и физическая активность выше обычной, у всех появился зверский аппетит. Варя и Лена, жена Илюши, старались быть экономнее, но мужчины в первую неделю вели себя как дети. Они беззаботно грелись на солнце, купались в реке и съели почти все запасы.

Когда в мешке осталось двадцать картофелин и пол бутылки подсолнечного масла, у женщин началась паника: как прожить еще неделю? Гриша сказал, что у них есть удочки и капкан, будут добывать пищу самостоятельно. Варя, усмехнулась, но промолчала. Ее муж типичный холеный москвич,

который ни разу не был не то что в диком лесу, даже в метро он не спускался уже несколько лет. Черт дернул ее согласиться поехать в этот лагерь.

— Хороша! — Костя доел свою порцию картошки и отправился спать в палатку. Как он вообще оказался с ними здесь? Беспольный лишний рот.

— Утром пойдем за реку, — Гриша вошел в роль старшего в отряде, — Костя останется с женщинами, а мы с Илюхой поставим капкан. Вы тут тоже ходите по местности. Может ягоды какие найдете или грибы.

— Я в грибах не разбираюсь, — Лена включила маленькую девочку, — можно я тут останусь, палатку посторожу?

— Можно, Лена, можно, — у Вари кончилось терпение, — вам что сказали, когда сюда привезли? На острове полно опасностей, это лагерь на выживание, черт побери! Когда до вас это дойдет уже? Если нас звери не загрызут, так сами от голода сдохнем.

— Варюша, еще неделя осталась. Завтра рыбки наловим. Зайца поймаем, — Гриша снова включил психолога, — неделю можно и на воде прожить. Мы приехали, чтобы испытать себя. Вот и будем испытывать.

— Да заткнитесь вы все, — Варя бросила на землю полотенце и ушла в палатку.

Утром мужчины взяли с собой топор и капкан. Лена налила им в термос кипятка, положила пару вчерашних карто-

фелин.

— Если что свистите, — давал указания Гриша, — у Кости есть еще один топорик и нож.

— Три недели жили спокойно, а сегодня за пару часов на нас нападет стая волков, — Костя обладал редкой способностью вставлять неуместные реплики.

— Все может быть, — спокойно добавил Илья и сказал жене, — Лен, ты палатку сторожи, Костя с Варей ягод поищут.

Варя недовольно поморщилась, но промолчала. Действительно, пусть остается в лагере, все равно от нее никакого толка. Варя так до конца и не поняла кто из них двоих раздражал ее больше всего: холеная Леночка или увалень Костя.

— А эти съедобные?

— Кость, ты прикалываешься? Я тебе только что показывала такие — это поганки, под шляпу посмотри у них.

Вдруг из лагеря донесся истошный крик Леночки.

Костя бросил корзинку с грибами и побежал к ней. Варя тоже побежала следом.

— Стой! — услышала она Костю, как только приблизилась к поляне, — там медведь. Залазь на дерево, только тихо. Я обойду его с другой стороны. Ленка в палатке сидит, он сейчас мешки перевернет, потом и до нее доберется.

Костя в несколько движений перепрыгнул через поляну и оказался на противоположной стороне. Медведь тут же двинулся к нему. Варя забралась на дерево и наблюдала за ними

с высоты. Костя вытащил из кустов огромную палку и поднял над головой. Медведь попятился назад, наступил на развороченный мешок с инвентарем. Встал на задний лапы и прорычал во всю пасть. Варя с ужасом смотрела на него. Костя был меньше наполовину, медведь порвет его в два счета. Он стоял неподвижно с палкой над головой и не издавал ни звука. В палатке тоже было тихо—тихо. Неожиданно медведь опустился на четыре лапы и бросился в лес. Ушел.

Варя вцепилась в ветку и боялась даже дышать. Костя положил палку на землю и сел на корягу, обхватив голову руками. Было слышно, как летают мухи. Через пару минут из палатки показалась голова Лены. Девушка огляделась по сторонам и на четвереньках поползла к Косте. Они обнялись.

Когда оцепенение прошло, Варя спустилась с дерева и оглядываясь на лес подошла к своему спасителю:

– Спасибо, Кость. Ты герой.

Он молча кивнул. Они обнялись уже втроем, и Варя дала волю слезам.

– Ты посмотри—ка, Илюха, стоит только отойти на пару часов, а тут уже дружба и обнимашки! Все—таки неплохой психолог, а? — донесся голос мужа из—за спины.

– Да иди ты, психолог, — Варя посмотрела на него полными слез глазами, — если б не Костя тут бы уже другие обнимашки были.

Лагерь быстро свернули. Гриша выпустил в воздух сиг-

нальный патрон. Вертолет прилетит за ними через час. Пять человек сидели около потухшего костра и смотрели в небо. В небо, которое сегодня было особенно прекрасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.